

Александр Восьмой

A dramatic movie poster for 'Alexander the Great: Blood Sky'. The top half of the image is dominated by a massive, dark, multi-limbed monster with a glowing red core, floating in a sky filled with thick, white and orange-tinted clouds. A bright red lightning bolt strikes down from the monster's head. Below the monster, a city skyline is visible, with a beam of pinkish-red light descending from the monster towards the city. The bottom half of the image shows a dense, green forested area with some industrial structures in the distance.

Ужасы: Багровые небеса

Александр Восьмой
Ужасы: Багровые небеса

«Автор»

2026

Восьмой А.

Ужасы: Багровые небеса / А. Восьмой — «Автор», 2026

Багровые небеса: война богов. Небо над континентом окрашивается в багровый цвет, и с ним приходят существа, способные стирать воспоминания. Армии разных стран объединяются, чтобы дать отпор, но враг не просто сильнее — он стирает саму историю сражений.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Ужасы: Багровые небеса

Глава 1. «Рассвет, который не обещал спасения»

Багровый свет заливал горизонт, будто небо расколосось, и из разлома сочилась густая, тягучая кровь. Он не просто окрашивал облака — он пропитывал воздух, оседал на крышах, въедался в стекло и металл, превращая рассвет в злое предзнаменование. Солнце ещё не поднялось, но его уже не ждали: этот свет был чужим, тяжёлым, подавляющим, словно сама реальность сдавалась под его натиском.

В столице континента, городе Велтарисе, утро началось не с птичьего пения, а с треска радиопомех и хриплых криков диспетчеров. На экранах мониторов данные исчезали строка за строкой — не из-за сбоя системы, а будто кто-то вычёркивал их невидимой рукой. В штабе командования офицеры в панике сверяли отчёты, но цифры не сходились: ещё вчера гарнизон насчитывал три тысячи бойцов, а сегодня система показывала две с половиной, и никто не мог вспомнить, куда делись остальные пятьсот.

На окраине, среди серых многоэтажек и ржавых эстакад, юный разведчик Кай прижимал к уху наушник, пытаясь разобрать обрывки команд. Его пальцы дрожали, но не от холода — от ощущения, что мир вокруг теряет чёткость, как старая плёнка, которую слишком долго держали на солнце. В воздухе висел странный запах — не гари и не озона, а чего-то безжизненного, будто выветрилась сама суть вещей.

Кай поднял голову и увидел их.

Они спускались с неба, не падая, а словно просачиваясь сквозь слои атмосферы, как дым сквозь решётку. Их формы не имели чётких очертаний: то ли длинные плащи, то ли крылья, то ли просто сгустки тьмы, принимавшие на мгновение человеческие силуэты, чтобы тут же расплыться в текучую бесформенность. Они не издавали звуков, но тишина вокруг них была неестественной — она давила, глушила даже мысли.

Первый контакт произошёл на перекрёстке у старой водонапорной башни. Трое патрульных заметили движение в переулке и направились туда. Через минуту из переулка вышел только один. Он шёл ровно, уверенно, но в его глазах не было узнавания — ни себя, ни товарищей, ни даже собственного имени. Когда сержант спросил, где остальные, солдат спокойно ответил: «Здесь никого не было». И в его голосе не было лжи — была абсолютная, ледяная уверенность в том, что так и есть.

Кай успел зафиксировать аномалию на портативный регистратор: короткий фрагмент, где тени сливаются с воздухом, а человек на секунду замирает, будто из него выдернули стержень. Он нажал кнопку передачи, и сигнал ушёл в штаб — дрожащий, прерывистый, но всё же сигнал. В тот же миг он почувствовал, как что-то холодное скользнуло по его сознанию, словно тень пробежала по поверхности памяти.

Он резко втянул воздух и схватился за нагрудный жетон — металлический, с выгравированным номером и именем. «Кай. Разведка. Сектор 7». Он повторил это про себя, как заклинание, чтобы удержать реальность. Но уже через несколько секунд ему показалось, что буквы на жетоне чуть потускнели, будто их пытались стереть ластиком.

Сирены взвыли по всему городу, разрывая тишину, которая становилась всё более опасной. По громкоговорителям звучал один и тот же приказ: «Не смотрите им в глаза. Не вступайте в контакт. Укрывайтесь». Но было поздно: существа уже были повсюду — на крышах, в переулках, на мостах. Они не нападали в привычном смысле, не стреляли и не резали. Они просто проходили мимо, и после них оставались люди, которые помнили, как дышать, но забыли, зачем.

В штабе генерал Арден смотрел на карту, где красные точки появлялись и исчезали, будто сама карта не могла решить, где именно враг. Он чувствовал, как в висках пульсирует боль, и на секунду забыл, какой сегодня день. Он тряхнул головой, сжал кулаки и заставил себя вспомнить: «Сегодня — первый день войны, которую никто не сможет записать в учебники, потому что завтра никто не вспомнит, что она была».

Армия поднимала тревогу, стягивала резервы, готовила оружие, к которому привыкли. Но никто ещё не понимал главного: враг не хотел убивать тела. Он стирал истории. Он вычёркивал целые эпизоды из коллективной памяти мира, и с каждым мгновением реальность становилась тоньше, как бумага, которую терзают пальцами.

Кай спрятался в нише между двумя зданиями, прижимая к груди регистратор. Экран мигнул и погас — не от разряда батареи, а будто информация внутри была признана ненужной и удалена. Он закрыл глаза и начал шептать всё, что помнил: имена родителей, адрес дома, номер своей школы, любимую песню, которую напевала мама. Он цеплялся за эти обрывки, как за канаты, чтобы не дать себе раствориться в этой багровой пустоте.

Когда он снова открыл глаза, над городом уже не было просто рассвета. Над Велтарисом нависла новая эра — эра, в которой каждое воспоминание становилось оружием, а каждое забытое слово — шагом к поражению. И где-то высоко, в самой сердцевине багрового неба, что-то пульсировало, будто дышало, ожидая, когда мир окончательно забудет, как сопротивляться.

Глава 2. «Приказ, написанный кровью на карте»

Штаб объединённых сил теперь напоминал не центр управления, а храм на грани обрушения: экраны гасли и загорались вновь, будто сами по себе, карты перерисовывались прямо на глазах, а офицеры говорили шёпотом, словно боялись, что звук может стереть ещё один фрагмент реальности. В центре зала, под тусклым светом аварийных ламп, стоял генерал Арден — его форма была покрыта пылью, а взгляд — тяжёлым, как свинец. Перед ним лежала карта континента, испещрённая красными линиями, которые пульсировали, будто под тонкой бумагой билось чужое сердце.

На брифинге не было долгих вступлений. Арден просто поднял руку, и зал затих так резко, что стало слышно, как где-то в углу щёлкает реле.

— Мы больше не можем сражаться привычным оружием, — произнёс он, и голос его звучал непривычно хрипло, будто каждое слово приходилось выдирать из собственной памяти. — Пули не останавливают их. Снаряды не оставляют следов. Они не убивают тела — они стирают смысл. И если мы не остановим это сейчас, через семьдесят два часа человечество забудет, что вообще идёт война. Мы проснёмся в мире, где багровые небеса будут казаться просто красивым рассветом, а не проклятием.

В зале прокатился тихий шёпот, похожий на стон ветра в пустых коридорах. Кто-то нервно сжал кулаки, кто-то уставился в пол, будто надеялся найти там забытые ответы.

— Поэтому мы создаём особый отряд, — продолжил Арден, и его голос стал твёрже, как сталь, закалённая в огне. — Отряд из тех, кто помнит. Ветераны, чьи шрамы — это не только следы ран, но и узлы памяти. Художники, которые видят мир не глазами, а сердцем. Поэты, способные удержать мгновение в слове. Каждый из них — носитель «живой истории». Их задача — не просто выжить, а сохранить то, что стирается.

Кай стоял в задних рядах, вжимая пальцы в края куртки, будто ткань могла удержать его в реальности. Он всё ещё чувствовал то холодное прикосновение к сознанию, которое испытал на рассвете, — словно кто-то провёл ледяной иглой по самым важным воспоминаниям, проверяя, насколько крепко они держатся. Его жетон теперь казался единственным якорем: металл охлаждал ладонь, а буквы «Кай. Разведка. Сектор 7» будто светились в темноте его мыслей.

Когда Арден назвал имена, Кай вздрогнул, услышав своё. Он не был ветераном, не был поэтом, не был художником. Но в его глазах генерал увидел что-то другое — тот самый страх потерять себя, который делал память особенно острой.

— Ты помнишь, как впервые увидел рассвет над Велтарисом? — спросил Арден, глядя прямо на него. — Не просто цвет неба, а запах утреннего воздуха, скрип старых ступенек, когда ты поднимался на крышу, ощущение, что весь мир только что родился и ждёт тебя?

Кай кивнул, чувствуя, как горло сжимается от напряжения.

— Вот это и есть твоё оружие, — тихо сказал генерал. — То, что ты не хочешь забыть.

Отряд собирали в спешке, но не как обычную боевую группу, а как хрупкий архив, собранный из живых людей. Среди них была Лира — художница, которая рисовала не красками, а углём и собственной памятью, оставляя на холсте то, что исчезало из мира. Рядом с ней стоял майор Торн — ветеран трёх войн, чьи воспоминания были тяжёлыми, как доспехи, и оттого особенно прочными. И ещё несколько человек, каждый из которых нёс в себе частицу того, что мир мог потерять.

Их первое задание прозвучало как приговор: проникнуть в зону «Перекрёсток Теней» — район на окраине города, где реальность менялась каждые десять минут. Улицы появлялись и исчезали, дома меняли этажи, светофоры загорались цветами, которых не существовало в природе, а воздух становился то густым, как сироп, то разреженным, будто перед бурей. Там, по данным разведки, находился узел аномалии — место, откуда багровый свет распространялся, как яд по венам.

Перед выходом каждому выдали не только стандартное снаряжение, но и артефакты, способные удерживать воспоминания: металлические пластины с гравировкой, кристаллы, зеркала, даже простые блокноты с твёрдой обложкой — всё, что могло стать якорем. Кай получил небольшой медальон на цепочке — холодный, тяжёлый, с выгравированным узором, похожим на переплетение корней и молний.

— Держи его при себе, — сказал техник, передавая медальон. — Он не защитит от удара. Но он может помочь тебе помнить. Когда почувствуешь, что реальность ускользает, сожми его в руке и вспомни что-то личное. Не дату, не приказ, а чувство. Запах, прикосновение, взгляд.

Зона «Перекрёсток Теней» встретила отряд не грохотом боя, а тишиной, которая была страшнее любого крика. Как только они пересекли условную границу, город начал меняться прямо на глазах. Улица, по которой они шли, вдруг стала уже, фонари вытянулись, как восковые свечи, готовые стечь вниз, а небо над ними потемнело, будто кто-то накинул на мир чёрную вуаль.

Лира достала блокнот и начала рисовать, её рука двигалась быстро, почти судорожно, пытаясь поймать ускользающие очертания.

— Не смотрите на изменения, — прошептала она, не отрываясь от листа. — Смотрите на то, что остаётся. На тени. На углы. На то, как падает свет.

Майор Торн шёл впереди, его шаги были тяжёлыми и уверенными, словно он прокладывал путь не по асфальту, а по собственной памяти.

— Держите строй, — скомандовал он, голос звучал глухо, будто доносился издалека. — И не отпускайте то, что помните.

Кай сжал медальон в кулаке, чувствуя, как холодный металл врезается в кожу. Он закрыл глаза на секунду и вспомнил утро, когда впервые поднялся на крышу Велтариса. Ветер трепал его волосы, город внизу казался бесконечным, а впереди лежала целая жизнь, полная дорог и имён. Он прошептал эти воспоминания, как заклинание, и когда открыл глаза, улица на мгновение обрела чёткость.

Но реальность не хотела сдаваться. Через несколько минут перекрёсток исчез, и отряд оказался посреди пустого пространства, где не было ни домов, ни дорог, ни даже горизонта.

Только багровый свет, который просачивался сквозь невидимые щели в мире, и тишина, в которой слышался шёпот забытых голосов.

Из пустоты появились они — существа, текущие и безмолвные, словно тени, которые научились ходить. Они не бросались вперёд, не нападали. Они просто стояли, и их присутствие заставляло реальность трещать по швам. Один из бойцов отряда замер, его глаза остекленели, а рука разжалась, выпуская оружие. Он сделал шаг вперёд и тихо произнёс: «Я здесь, чтобы...» — и замолчал, будто забыл окончание фразы.

Торн рванулся к нему, схватил за плечи и встряхнул.

— Вспомни! — крикнул он, и в его голосе звучала не команда, а отчаяние. — Вспомни, зачем ты здесь! Вспомни лицо матери! Вспомни первый бой! Вспомни хоть что-нибудь!

Боец моргнул, и на секунду в его глазах мелькнуло узнавание. Он сжал кулаки и прошептал: «Я помню...» — но фраза повисла в воздухе, как оборванная нить.

Кай почувствовал, как холод снова скользит по его сознанию, пытаясь стереть воспоминания, как мел с доски. Он крепче сжал медальон и снова вспомнил крышу, ветер, город внизу. Он начал говорить вслух, перечисляя всё, что помнил: имена, даты, запахи, звуки. Его голос звучал странно в этой мёртвой тишине, но с каждым словом реальность вокруг будто цеплялась за него, не желая растворяться.

Существа замерли. Их текущие формы на мгновение стали плотнее, будто звук воспоминаний причинял им боль. Лира продолжала рисовать, её линии становились резче, увереннее, словно она высекала реальность из пустоты.

— Они питаются забытым, — вдруг сказала она, не поднимая глаз. — Но память — это огонь. И если мы будем гореть, они не смогут нас погасить.

Арден, наблюдавший за операцией из штаба, смотрел на экран, где изображение зоны «Перекрёсток Теней» мерцало и искажалось. Он видел, как отряд держится, как они цепляются за свои воспоминания, и понимал: это не просто миссия. Это битва за самую суть человечества.

— Пусть они помнят, — тихо произнёс он, глядя на карту, где красные линии теперь казались не просто отметками, а шрамами на теле мира. — Пусть они помнят, даже если это будет стоить им всего.

В зоне «Перекрёсток Теней» отряд продолжал двигаться вперёд, сквозь меняющийся мир, сквозь тишину, которая хотела стереть их имена. Каждый шаг был не просто движением по земле — это было утверждение: «Мы здесь. Мы помним. Мы не позволим забыть».

И где-то впереди, в самом сердце аномалии, пульсировал источник багрового света — чуждое, холодное сердце, которое ждало, когда люди сдадутся и позволят себе всё забыть. Но пока отряд шёл вперёд, пока они цеплялись за свои воспоминания, этот свет не мог победить. Потому что память — это тоже оружие. И иногда самое сильное.

Глава 3. «Город, который перестал помнить себя»

Отряд подошёл к приграничному городу на закате, когда багровый свет уже не просто окрашивал небо — он будто пропитывал сам воздух, делая его тяжёлым и вязким, словно мир дышал через слой густой краски. Город назывался Эрстад — или так значилось на старой карте, которую сжимал в руках генерал Арден. Но стоило им пересечь условную границу, как название начало рассыпаться: буквы на дорожных указателях расплывались, превращаясь в бессмысленные завитки, а потом и вовсе исчезали, будто их никогда и не было.

Улицы теряли смысл. Дома меняли очертания прямо на глазах: окна появлялись там, где раньше были глухие стены, двери вели не в комнаты, а в пустоту, а углы зданий становились то острыми, как лезвия, то округлыми, будто слепленными из воска. Люди бродили по тротуарам, не глядя по сторонам, не замечая друг друга. Они ходили кругами, повторяя одни и те же движения, как заводные куклы, у которых стёрли программу. Иногда кто-то останавливался,

смотрел в небо, будто пытался вспомнить что-то важное, но тут же снова начинал бесцельно шагать, будто забытое слово так и осталось где-то за пределами досягаемости.

— Здесь нет улиц, — тихо произнесла Лира, водя карандашом по странице блокнота, пытаясь зафиксировать то, что ещё имело форму. — Здесь есть только направления. И даже они врут.

Майор Торн шёл впереди, его шаги звучали твёрдо, будто он вбивал их в землю, чтобы не дать реальности раствориться под ногами.

— Держим дистанцию, — бросил он через плечо, не сбавляя темпа. — Не теряйте друг друга из виду. Если кто-то исчезнет из памяти — мы не сможем его найти.

Кай шёл следом, сжимая в руке медальон. Металл уже не казался холодным — он будто нагревался от напряжения, пульсируя в такт его собственному сердцу. Он снова и снова проговаривал про себя одну и ту же фразу: «Я — Кай. Я из Велтариса. Я помню крышу, ветер и город внизу». Это было его якорем, его щитом против пустоты, которая пыталась проникнуть в сознание.

Они двигались к центру города, где, по данным разведки, находилась старая городская библиотека — одно из немногих мест, которое ещё сохраняло намёк на стабильность. Считалось, что здания, наполненные текстами и воспоминаниями, сопротивляются стиранию дольше других. Но когда отряд добрался до площади, библиотека предстала перед ними не как величественное здание, а как руины, наполовину растворенные в воздухе: стены были прозрачными, будто сделанными из тумана, а крыша исчезала и появлялась снова, как дыхание.

Внутри пахло пылью и временем — густым, тяжёлым запахом, который будто оседал на коже. Полки с книгами были полупустыми: тома исчезали страница за страницей, оставляя после себя лишь серые тени на дереве. Лира провела рукой по одной из полок, и её пальцы прошли сквозь пустоту там, где ещё минуту назад лежала книга.

— Они не просто стирают людей, — прошептала она, глядя на исчезающие корешки. — Они стирают то, что делало нас нами.

Кай двинулся вглубь зала, где свет был чуть ярче, а тени — чуть плотнее. В углу, среди обломков стеллажа, он заметил металлический ящик, наполовину погребённый под осыпавшимися книгами. Он поднял крышку и внутри нашёл дневник — потрёпанный, с пожелтевшими страницами, исписанными мелким, торопливым почерком. На обложке было выведено: «Записи доктора Вэрна. О природе багрового света».

Он начал читать, и каждая строка будто царапала сознание:

«Они не приходят извне — они возникают там, где память слабеет. Они питаются забытым, растут на пустоте, которую оставляют стёртые воспоминания. Чем больше мы забываем, тем сильнее они становятся. Это не вторжение — это распад. И если мы не найдём способ удержать то, что помним, мир сам себя сотрёт...»

Последняя запись обрывалась на фразе: «Они питаются забытым». Дальше шли только пустые страницы, будто автор не смог или не успел написать больше.

Кай поднял голову, чувствуя, как холод пробегает по спине. В этот момент площадь за пределами библиотеки вспыхнула багровым светом, и на её середине появилось существо — не одно, а сразу несколько, словно тени, которые научились стоять прямо. Их формы были текучими, но в центре каждой клубилась тьма, будто сама пустота собралась в фигуру.

— В укрытие! — крикнул Торн, но слова прозвучали странно, будто реальность пыталась поглотить даже звук.

Бой начался не с выстрелов, а с тишины. Пули проходили сквозь существ, не оставляя следов, а взрывы гасли в воздухе, будто их никогда не было. Оружие оказалось бесполезным — оно действовало на материю, а враг существовал в другом измерении, там, где стирались смыслы.

Ли́ра выхвати́ла блокнот и нача́ла рисо́вать, её карандаш летал по бумаге, высекая линии, которые будто цеплялись за реальность. Она рисовала лица, улицы, моменты — всё, что помнила, и с каждым штрихом пространство вокруг становилось чуть плотнее.

Торн стоял в центре, его глаза горели яростью, которая была крепче любой брони.

— Вспомни! — кричал он, обращаясь не к врагам, а к своим товарищам, к самому миру. — Вспомни, кто ты! Вспомни, зачем ты здесь!

Кай сжал медальон и закричал — не слова приказа, а свои воспоминания, как будто мог вытолкнуть их из себя и превратить в щит:

— Я помню утро на крыше! Я помню ветер! Я помню город, который ждал меня! Я помню лица тех, кто мне дорог!

Его голос звучал громко, почти отчаянно, но в нём была сила — сила того, что не хотело исчезать. Существа замерли, их текучие формы на мгновение стали плотнее, будто звук воспоминаний причинял им боль. Они не могли поглотить то, что было сказано вслух, то, что было признано, названо по имени.

Один из бойцов отряда, молодой стрелок по имени Рен, вдруг замер, его взгляд потускнел, а рука разжалась, выпуская оружие.

— Я... я не помню... — прошептал он, глядя на свои ладони, будто видел их впервые.

Торн рванулся к нему, схватил за плечи и встряхнул.

— Ты помнишь первый день в отряде! — рявкнул он. — Ты помнишь, как мы шли через «Перекрёсток Теней»? Ты помнишь, как боялся, но не отступил! Ты помнишь своё имя!

Рен моргнул, и в его глазах мелькнуло узнавание. Он сжал кулаки и прошептал:

— Я — Рен. Я помню.

Существа начали отступать, растворяясь в багровом свете, но Кай знал — это не победа, а лишь передышка. Они вернутся, когда тишина станет громче голосов, когда воспоминания начнут тускнеть.

Арден, наблюдавший за боем из штаба, смотрел на экран, где изображение города мерцало и искажалось. Он видел, как отряд держится, как цепляется за свои воспоминания, и понимал: это не просто миссия. Это битва за самую суть реальности.

— Пусть помнят, — тихо произнёс он, глядя на карту, где красные линии теперь казались не просто отметками, а шрамами на теле мира. — Пусть помнят, даже если это будет стоить им всего.

Когда багровый свет начал тускнеть, отряд собрался в центре площади. Ли́ра закрыла блокнот, на последней странице которого был нарисован силуэт существа, перечёркнутый яркой линией — как будто сама память отказывалась его принимать. Кай положил дневник доктора Вэрна во внутренний карман куртки, чувствуя тяжесть слов, которые могли стать ключом к пониманию врага.

Город вокруг них всё ещё дышал пустотой, улицы всё ещё теряли названия, а люди всё ещё ходили кругами. Но посреди этой разрушенной памяти стояли люди, которые отказывались забывать. Они знали теперь главное: враг питается забытым. А значит, их оружие — это воспоминания. Их клятва — помнить. Их долг — не позволить миру стереть себя.

И где-то в глубине багровых небес что-то пульсировало, будто прислушивалось к их головам, к их памяти, к их упорству. Оно ждало, когда они устанут. Но пока они помнили — они были сильнее.

Глава 4. «Клятва на осколках прошлого»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.